

*Н. А. Илюхина**

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В ПРОЦЕССАХ ПОРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОСТИ

В статье сопоставляются результаты синхронического и диахронического анализа образования метафорических моделей, статический и динамический аспекты современной образной картины мира. Сопоставление обнаруживает факт тесного взаимодействия метафоры и метонимии, важную роль метонимических механизмов в образовании метафоры.

Метафору и метонимию принято рассматривать в сопоставлении или в противопоставлении, между тем в когнитивном аспекте метафорический и метонимический механизмы находятся во взаимодействии. О некоторых аспектах их взаимодействия в проекции на языковой уровень пойдет речь в статье.

Современная образность имеет большую историю, уходя корнями в мифологическую эпоху. Вместе с тем очевидно, что функции и семантика сходных выражений кардинально изменились, как изменились их системные связи в языковой картине мира, прежде всего связи мотивирующие. Изучение механизмов образности, имеющее в лингвистике многоаспектный характер, для более адекватного представления соотношения метафорических и метонимических механизмов нуждается в сопоставлении результатов синхронического и диахронического подходов, а в рамках синхронического подхода – в последовательной реализации статического и динамического аспектов анализа.

Диахронический подход направлен на выявление генезиса образных выражений – их первоначальной мотивации, механизма образования и первичного значения, а также на анализ динамики образа в исторической перспективе, изменения семантики, приводящего на определенных этапах развития к переосмыслению выражения.

Синхронический подход анализирует то, как образная система языка интерпретируется языковой личностью определенной эпохи, включенной в конкретную культурную парадигму, исследует системные связи, релевантные для соответствующей языковой картины мира.

В ракурсе диахронического и синхронического взглядов, как известно, неодинаково квалифицируются образные выражения современного языка в их системных связях. Выражения, которые восходят к глубокой древности, и в современном языке считаются метафорическими, при специальном внимании к их генезису таковыми не являются и нередко оказываются результатом метонимического акта. Достаточно напомнить, что первобытное сознание метафоры не знало (как до определенного возраста не знает ее детское сознание [18]): в этой форме фиксируется буквальное понимание мира.

Диахронический анализ судеб древних номинаций обнаруживает тенденцию к преодолению первоначального смыслового синкретизма, к оформлению комплекса лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова. На определенном этапе

* © Илюхина Н.А., 2005

Илюхина Надежда Алексеевна – кафедра русского языка Самарского государственного университета

развития слова происходит переосмысление соотношения этих ЛСВ, в результате которого между ними довольно часто устанавливаются отношения метафорической производности. При этом нередко в качестве основного значения в синхроническом плане осмысляется этимологически более позднее значение, а в качестве метафорически производных от него – значения, этимологически более древние. Остановимся на некоторых конкретных фактах.

Показательны в этом отношении, в частности, слова *отец, брат, сестра, друг, близкие*. Так, в выражении *отец народов* представлено этимологически более раннее значение слова *отец* (нежели в сочетании *отец ребенка*), поэтому в диахроническом плане оно не является метафорическим, производным от значения *отец* ‘кровный родственник’. Исследования мифологии свидетельствуют, что современное основное значение слова *отец* (‘кровный родственник, мужчина по отношению к своим детям’) хронологически является вторичным; первоначально слово именовало жреца, руководителя, главу коллектива, в том числе семьи. Дифференциация по линии кровного родства была закреплена за этим словом позднее, когда недифференцированное, синкретичное понятие стало расчленяться.

Характеризуя дородовой период развития общественного сознания, О.М.Фрейденберг пишет, что кровные узы на этом этапе не осознавались, названия *брат, сестра, мать, отец* имели значение не кровного родства, но принадлежности к общему тотему, к общему тем самым коллективу¹. Первоначально словом *отец* назывались тотем, вождь, затем жрец (который убивает, расчленяет, разделяет, раздает пищу). По оценке исследователя, примитивный ум может различать предметы и многое видеть, но соотносит их неправильно. Это уже не чувствуется в таких наименованиях, как отец, раб, царь и т.д., «потому что эти слова живут до сих пор и представляются нам логически соответствующими своему содержанию – тому, которое мы сами в него вложили впоследствии. ... В следующий, родовой, период продолжается наименование предметов не по рациональным признакам, то есть не по их свойствам. Но эта новая эпоха получила большое образное наследие дородовой культуры, которая полностью продолжает жить и в родовом обществе. Однако она только формально кажется неизменной. На самом же деле ее прежнее, тотемистическое содержание наполняется новым смыслом родовых связей и аграрных представлений. Старое содержание продолжает жить, это верно; но оно приобретает характер новой категории. Так, брат, гроб, отец, царь и все прочее остается, но смысл их иной (брат – по крови, отец – родоначальник, бог – растительность, гроб – материнская земля и т.д.)». [13. С. 28 - 44]

Последующие эпохи обусловили переосмысление отношений между разными значениями этих и подобных слов. Большинство значений стали восприниматься как метафорически производные от значения ‘кровный родственник’. Именно как метафоры воспринимаются выражения типа *отец всех народов* в современной языковой картине мира (например, по отношению к Сталину) – с подчеркиванием смыслов, характерных для слова *отец* в качестве названия родителя: ‘заботливый’, ‘любящий’, ‘мудрый’, ‘родной’ и под. Закономерно для современного языкового сознания выражение после сталинской эпохи *После смерти отца народов оказалось, что он не был не только отцом, но даже и отчимом*, являющееся результатом метафорической разработки образа. По крайней мере, три ЛСВ современного слова *отец* (‘люди, облеченные властью’, ‘родоначальник’, ‘служитель церкви’) из семи, приводимых в словаре², этимологически не являются результатом деривации от значения ‘кровный родственник’ в современном его понимании и восходят к древнему нерасчлененному значению тотема-предка-главы-жреца. Однако в синхроническом аспекте (в современной языковой

картине мира) эти выражения – безусловные метафоры и иной мотивации не имеют; именно такое системное соотношение значений, психологически реальное для современного носителя языка³, фиксируют толковые словари.

Похожей является история развития системы значений слов *брат*, *друг* [1; 6]. Современная семантическая структура этих лексем формируется через преодоление первоначального синкретизма. Между тем в отдельных (переносных, вторичных с точки зрения системы современного языка) значениях они сохраняют осколки былой широты значения (в частности, в выражениях типа *братья по оружию*). Однако в современной языковой картине мира эти выражения мотивируются через установление сходства со значением ‘близкий кровный родственник’ – основным в системе современного языка, но вторичным в диахроническом аспекте.

Сопоставление диахронической и синхронической картин формирования и развития образности обнаруживает тенденцию к трансформации семантики выражений, включающих номинации, основанные на принципе смежности. К переосмыслению значения и мотивации таких выражений, в том числе к превращению метонимии в метафору, приводят утрата или ослабление их мотивации: в этих условиях более важной гносеологической операцией для сознания оказывается акт сравнения, направленный на дешифровку неявного смысла. Наиболее глобальным языковым явлением такого рода является олицетворение, происхождение которого имеет, по нашему мнению, метонимическую природу, а результаты переноса со временем получили метафорическое осмысление (эта тема заслуживает отдельного разговора, см. [4]).

Обратимся к частным фактам, относящимся к недавнему прошлому. Выражения *малиновый звон* и *медовый месяц* современными носителями языка воспринимаются исключительно в качестве метафор, о чем свидетельствуют и данные словарей. *Малиновый звон* – «приятный, красивый, мягкий по тембру звон (о звоне колоколов, бубенчиков)» [10. С.332]; «мелодичный, приятный звон (колоколов, часов и т.д.). Собств. рус. От свободного сочетания *малиновый звон*. ... малина в значении «что-либо приятное» (ср. не жизнь, а малина)» [17. С.77.] Любопытно, что даже М.Фасмер связывает это выражение со словом *малина* и толкует как результат метафоризации. Между тем в словаре «Полузабытые слова и значения» читаем: «Малиновый звон – стройный звон специально подобранных церковных колоколов или поддужных колокольчиков в конской упряжи. Название произошло от бельгийского города Малин (Мехельн), который славился своими колоколами» [2. С.270]. Как метафорическое толкуется в словарях и сочетание *медовый месяц* – «1. Первое время, начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни. ... 2. Расцвет, лучшая пора» [12. С.246]. Однако возникновение этого выражения связывается с обычаем, предписывавшим молодым в течение первого месяца супружеской жизни употребление медового напитка. Таким образом, название *медовый месяц* первоначально означало ‘месяц, в течение которого пьют мед’, с течением времени буквальная связь была утрачена и выражение стало толковаться как метафора со значением ‘приятная, счастливая супружеская жизнь’.

Итак, исторический (диахронический) взгляд на современную образность открывает тенденцию к трансформации метонимии либо метонимически соотносящихся смыслов (смежных в рамках одного нерасчлененного смыслового комплекса) в метафору.

Гораздо более впечатляющая системная связь и взаимодействие метонимического и метафорического механизмов обнаруживаются в рамках синхронического подхода к исследованию современной языковой картины мира. В частности, синхронический подход позволяет в процессах метафорообразования выявить значимость метонимического механизма, когнитивной «опоры» на отношения смежности. Для выявления

действия этого механизма в рамках синхронического подхода продуктивно противопоставить *статический* и *динамический* ракурсы.

В синхронических исследованиях метафорической образности господствует *статический ракурс*, т.е. внимание лишь к одной стороне мотивации переноса: исследованию обычно подвергается образ в составе конкретной ассоциативной параллели (*человек – животное; общество – здание; чувство – огонь*). Такой подход позволяет усмотреть механизм формирования образной картины мира, который основывается на сходстве (собственно метафорический), но не открывает второй важной для сознания линии мотивации переноса. Речь идет об отношениях смежности, во многих случаях предопределяющих векторы переноса (в этих случаях перенос не может быть исчерпывающе мотивирован сходством двух реалий в их восприятии человеком).

Роль метонимической составляющей в образовании метафор выявляется при дифференциации статического и динамического планов, равно психологически реальных для носителя языка в рамках синхронического подхода. *Динамический взгляд* в качестве предмета анализа предполагает процесс многократного дискурсивного воспроизведения образа по отношению к разным типам денотатов и внимание к логике и векторам перемещения образа относительно многочисленных обслуживаемых денотатов. Иными словами, внимание к *процессу функционирования* образа.

Показательной иллюстрацией такого подхода может служить анализ способов осмысления солнца и смежных с ним реалий.

В качестве стереотипного средства образной характеристики начала и конца дня используется образ огня, воплощенный в выражениях *Догорает закат; Догорает день; Догорал вечер; В небе ясном заря догорала (разгоралась); Горит восток зарею новой* (Пушкин); *Пылает небосвод; Погасло небо осеннее...* (Блок); *Угасал длинный летний день...* (Шукин); *Гаснет закат; Гаснет заря; Разгорается утро; Разгорается день*. Эти и подобные факты считаются классическими метафорами, поскольку сходство между двумя представлениями очевидно и выражается в признаках 'цветовая гамма' 'уменьшение / увеличение интенсивности света', 'понижение / повышение температуры', 'уничтожение' ('окончание') и т.д. Такая (безусловно, верная, но неполная) квалификация явления сложилась в рамках статического подхода.

Однако приведенные выражения объективно имеют и иную линию мотивации: образ огня используется по отношению к небу, закату, восходу, заре, утру, дню и т.п. благодаря связи последних с солнцем - смежным с ними в пространственном либо временном и причинно-следственном отношении и служащим своеобразной эмпирической опорой при их характеристике. В дискурсивной практике приведенные образные высказывания, на наш взгляд, мотивируются выражениями типа *Догорает солнце; Пылает светило; Погасло дневное светило* (Пушкин); *По дороге меня настигла гроза, но когда я доехал до зловещего замка, солнце уже горело..., и птицы вопили в промокшей, дымящейся листве* (Набоков); т.е. являются результатом метонимического переноса способа моделирования солнца. Огонь в обыденном сознании (в языковой картине мира) моделирует солнце и по метонимической логике распространяется на другие, смежные с солнцем реалии, в том числе абстрактные: небосвод, закат, зарю, день, вечер, утро. См. такой перенос в рамках одной фразы: *Усталое солнце уходило от мира, спокойно проплыл свой полдень и утро, и угасающий день пленительно и ярко румянился* (Гоголь): «солнце – огонь» > «день – огонь».

Показательно, что та же связь понятий *солнце* и *время* порождает лексическую метонимию – метонимически производное значение 'сутки' у слов *солнце* и *луна*, зафиксированное в языках разных народов: *Пути туда пять солнц; Прошло двенад-*

цать лун. Ср. в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита»: ...мне хотелось показать вам вашего героя. Около **двух тысяч лет** сидит он на этой площадке... Он утверждает, что охотно бы поменялся своей участью с оборванным бродягой Левием Матвеем. – **Двенадцать тысяч лун за одну луну** когда-то, не слишком ли это много? – спросила Маргарита. ...Над черной бездной ...загорелся необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами над пышно разросшимся за **много тысяч этих лун** садом. За этим лексическим переносом (переносом слова-названия) стоит тот же когнитивный акт установления связи между небесным светилом и периодом времени, мотивированный и в диахроническом (этимологическом), и в синхроническом аспектах, поскольку опора на смежный образ светила в равной мере важна для картины мира первобытного и современного человека.

Таким образом, ассоциация по смежности (*светило - время*) реализуется в двух видах – в виде метонимического переноса двух принципиально разных единиц:

а) языковой единицы – *слова-названия* (*солнце, луна* ‘светило’ → *солнце* ‘день’ или *луна* ‘ночь’, а также *солнце, луна* ‘сутки’) и

б) когнитивной единицы – *образа как способа концептуализации, моделирования концепта* (*догорает солнце* → *догорает закат, день, вечер*).

Заметим, что перенос обеих единиц (когнитивной и собственно языковой) имеет один вектор (*солнце* → *время, закат, восход*). Это, в частности, означает, что о дне, ночи, сутках, времени первобытный и современный человек может мыслить так же (в той же логике), как он мыслит о светиле, с которым время связано отношениями естественной смежности.

Аналогично выглядит картина функционирования в этой же сфере другой образной модели – модели перемещения в пространстве, подтверждающая вывод об общности способа моделирования солнца (главного показателя движения времени) и дня, утра, зари: *Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день* (Пушкин): *восход солнца* → *восход зари*; *всходит солнце* → *всходит день*; ...*Разные птицы слетаются вечером на опушку – проводит солнце* – и *умолкают, наблюдая, как светило уходит за горизонт* (Песков); *Усталое солнце уходило от мира...* (Гоголь); *Вот и еще один день уходит: уходит солнце* → *уходит день*; ...*Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор...* (Пушкин): *проглянет солнце и скроется за горы* → *проглянет и скроется за горы день*; *Встает заря во мгле холодной* (Пушкин); *Что тебе снится, крейсер «Аврора», в час, когда утро встает над Невой?*: *встает солнце* → *встает заря*; *встает солнце, заря* → *встает утро*; *Солнце совершило свой обычный обход дома. День созрел и стал склоняться к вечеру* (Набоков): *солнце склоняется к западу* → *день склоняется к вечеру*.

Столь же показателен перенос третьей ипостаси солнца – лучезарности, светоносности: *Сиял солнечный, но прохладный денек...* (Шукин): *сияло солнце* → *сиял день*⁴.

Таким образом, в рассмотренных случаях отношения смежности проложили путь метафоре – метонимический перенос предшествовал метафоре как способ категоризации соответствующих концептов: начало / конец дня – солнце (солнце пылающее, солнце движущееся, солнце сияющее). После стихийной концептуализации абстрактного понятия времени в категориях огня, перемещения, сияния сознание начинает соотносить две сущности на основе их сравнения, искать между ними сходство, т.е. манипулировать образом (огня, движения и др.) как метафорической моделью. Осмысление ассоциативной параллели приводит к выявлению сходства по нескольким линиям (тепло, свет, цветовая гамма и т.д.), на основе этих признаков происходит варьирова-

ние образа как метафоры, разнообразная его конкретизация, связанная уже не только с солнцем, а с огнем вообще, в том числе с пожаром.

Использование образа как метафорической модели стирает следы мотивации его проникновения в данную ментальную сферу – проникновения в большей мере неосознанного, обязанного соположенности двух концептов, не связанного со специальной установкой говорящего, с характерной для метафоры избирательностью.

О роли метонимического механизма в функционировании метафорической модели свидетельствует и следующее обстоятельство. Образ огня в процессе функционирования образно характеризует множество типов реалий и при этом широко варьирует свою семантику – применительно к разным реалиям актуализирует большой круг смыслов: ‘уничтожение’ (*догорает день*), ‘свет’ (*звезды горят*), ‘высокая температура’ (*все тело горит*), ‘ощущение жжения’ (*во рту горит от перца*), ‘красный цвет’ (*розы горят*) и т.д. Однако обращает на себя внимание наличие ограничений в отношении некоторых видов денотатов одного рода. Так, образ огня широко используется при интерпретации утра и вечера (начала и конца дня), начала и конца летнего сезона, но не используется для характеристики других частей суток и времен года. Ср.: *догорает день, вечер, ночь, разгорается утро, день, разгорается / догорает лето, разгорается весна, но догорает осень* при невозможности выражений **догорает утро, *догорает весна, зима, тем более *догорает неделя, *догорает месяц*. Эти узуальные ограничения можно рассматривать как свидетельство того, что образное моделирование абстрактных реалий опирается на не вполне осознаваемое эмпирическое ощущение их связи с солнцем: увеличением / уменьшением интенсивности солнечного света и тепла, восходом / закатом солнца. Другими словами, действие метонимических механизмов (ощущение смежности двух реалий как основание для переноса) не закончилось актом первичного сдвига образа огня-солнца на смежные понятия – они действуют и в последующем, обуславливая указанные ограничения в использовании образа-метафоры.

В ракурсе *диахронического подхода* мотивация рассмотренного фрагмента образной картины выглядит, как известно, несколько иначе: укажем лишь на систему пантеизма, задававшую своеобразную систему координат (бог солнца, богини зари и т.д., представленные в антропоморфных образах с проекцией такого способа моделирования на соответствующие физические реалии – солнце, зарю, утро и т.д.), которые через культурную традицию проникли и в более поздний дискурс, особенно в период классицизма. Однако сознание человека родового и родового общества также опиралось на смежность солнца и времени, лишь мотивируя эту связь несколько иначе. Следовательно (подчеркнем), роль солнца одинаково важна в этимологической истории этого фрагмента образной картины и в современной образной картине мира. Отсюда вытекают выводы о роли когнитивных метонимических механизмов в процессах переноса образа, действующих на всех этапах развития сознания и языка, и, во-вторых, о роли культурной парадигмы в осмыслении результатов стихийного метонимического переноса (в частности, в системе пантеизма в мифологической картине мира или в системе причинно-следственных связей между явлениями в современной рациональной картине мира).

Причины особой роли отношений смежности в первобытной и в современной языковой картине мира кроются в механизмах восприятия мира и хранения знаний о мире. Один из способов восприятия и хранения информации о мире – гештальтная структура, которая в данном случае – при концептуализации абстрактных понятий – определяет способ концептуализации по аналогии со смежной предметной реалией.

Опору на отношения смежности, значимость соответствующих типов логических отношений в работе когнитивных механизмов подтверждают как данные мифологии,

так и данные современных языков. Обратимся к некоторым способам концептуализации эмоций.

В этом отношении интересны данные, характеризующие мифологическое сознание [13; 8], которые могут служить фоном для интерпретации современной образности с точки зрения ее когнитивных механизмов. М.М.Маковский в «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» демонстрирует многочисленные случаи семантического расхождения корней, связанных с названием эмоций, в родственных языках. Показательно, в частности, то, что обозначения эмоций устойчиво связаны отношениями межъязыковой многозначности с названиями крови, священных ритуальных напитков, меда и т.д.: «ср. рус. плод, но др.-англ. *blod* ‘кровь’, гот. *blot* ‘жертвоприношение’, англ. диал. *blute* ‘(сакральное) действие’, др.-англ. *bled* ‘хлеб на корню, приносимый в жертву божеству’, лат. *ludus* ‘(сакральная) игра’, др.-англ. *blīo* ‘веселый’, литов. *burti* ‘колдовать’» [С.80-81]; «...мед как магический напиток являлся источником ритуального экстаза при возлиянии, в связи с чем следует сопоставить: и.-е. **medh-* ‘мед’, но др.-англ. *maetan* ‘спать’, ‘находиться в экстазе’; др.-сев. *hunang*, др.-англ. *hunig* ‘мед’, но рус. диал. *кунеть* ‘дремать’ (последняя часть этого слова, возможно, соотносится с и.-е. **ag-* ‘совершать сакральные действия’); и.-е. **mel-* ‘мед’, но **mel-* ‘экстаз’» [С.222]; «...валл. *gwaed* ‘(жертвенная) кровь’, но лат. *gaudeo* ‘радоваться’» [С.151]. Прочитируем ряд утверждений М.М.Маковского: «Одним из важнейших элементов языческого сакрального культа было возлияние. Священный напиток, который готовился из сочных плодов, растений, а также определенных видов грибов, служил средством, вызывающим религиозно-сексуальный экстаз» [С.79]; «...мед как магический напиток являлся источником ритуального экстаза при возлиянии...» [С.222]; «Кровь неизменный атрибут сакрального действия» [С.204].

Такая многозначность корней является объектом преимущественно этимологических исследований, служащих целям реконструкции древних форм, и редко проецируется на механизмы современных языков. Подобные проявления межъязыковой метонимии интересны как свидетельство значимости метонимических механизмов в сознании первобытного человека: именование реалий происходит с опорой на отношения ситуативной смежности между напитком, кровью, плодами, ритуальными действиями и возникающим чувством. Эти же *принципы именования* действуют в сознании современного человека и отражаются, в частности, в структуре многозначного слова⁵ и в структуре словообразовательных гнезд⁶, эксплицируя пропозициональную, сценарную организацию знаний о мире.

Думается, что эти механизмы регулируют не только номинацию, но и *образное моделирование* абстракций (в том числе чувства, экстаза, состояния вообще) – «по образу и подобию» предметных реалий, являющихся причиной их возникновения либо связанных рамками одной ситуации, одного ритуала. Другими словами, когнитивные механизмы, базирующиеся на отношениях смежности, предопределяют не только обозначение разных сторон ситуации одним словом-корнем (например, напитка и чувства), но и способ языковой категоризации эмоции в образе жидкости (путем переноса способа осмысления с жидкости как причины на ее следствие – состояние) и ее последующее моделирование в виде метафор жидкости. Обратимся к частным языковым фактам. Ср. значения слова *буза*, заимствованного из персидского, в русском языке: *Буза* – Легкий хмельной напиток из проса, гречихи, ячменя, распространенный главным образом в Крыму и на Кавказе. [*Черкесы*] как *напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка* (Лермонтов); *Буза* - Скандал, шум, беспорядок. – *Зачем же бузу заваривать? Я за хорошее дело взялся, ты меня поддержать должен, помочь,*

а ты скандалишь (Н.Островский) [11. Т.1 С. 123]. Укажем на способ образного моделирования абстрактного понятия 'шум, скандал' в выражении *бузу заваривать*: это понятие моделируется по аналогии с бузой-напитком.

Перед нами снова факт переноса и слова-названия (*буза* 'напиток' → *буза* 'скандал'), и способа моделирования (концептуализации) с напитка на понятие скандала, т.е. с причины на следствие, на поведение человека (по смежности, а не по сходству между жидкостью и состоянием, поведением). Характерно, что вектор переноса в обоих случаях один: *жидкость* → *состояние, поведение*.

При характеристике чувств, эмоций в качестве метафоры регулярно используются лексемы, называющие жидкость, ее свойства (*литься, течь, кипеть, кипучий*), манипуляции с ней (*изливать, выплеснуть, упиваться, упоение* и многие другие). Обратимся к составу значений некоторых из них.

Упоение 'состояние восторга, восхищения, экстаза'. *Мельников не раз бывал в рукопашных. Он уже пережил то упоение боем, когда человек находится точно во хмелю* (Павленко). *Упоенный* '1. Прич. страд. прош. от *упоить*. 2. В знач. прил. Испытывающий упоение. *Упоенный, счастливый, падаю перед нею на колени, прошу счастья* (Чехов). *Упоить* 1. Устар. и прост. Напоить до насыщения или допьяна. *Подвернулся двоюродный дядя сиротки...; он укланял и упоил мир, чтобы ему сдали опеку* (Мельников-Печерский). 2. Привести в восторг, в упоение, в восхищение. *Бельтов был упоен своим счастьем...* (Герцен) [11. Т.4. С.504]. Обратим внимание, что два значения глагола *упоить* ('напоить' и 'привести в восторг') и производной от него лексики *упоенный* объективно связаны не только по сходству (прежде всего так они соотносятся в современном языковом сознании), но и по смежности: второе бывает следствием первого (характерна иллюстрация из произведения Павленко)! Следовательно, может быть результатом и метонимического переноса.

Ассоциативная связь «напиток→состояние, возникшее под влиянием этого напитка» является в современной картине мира лишь одной из линий мотивации образа «жидкости», широко распространенного в функции интерпретации эмоций. Другими, не менее важными линиями смежности этих концептов являются соматические жидкости, прежде всего кровь и слезы. Ср. *клопочет кровь – клопочет гнев, бурлит кровь – бурлит страсть; нахлынули слезы – нахлынули чувства* (перенос с внешнего, физиологического проявления состояния на само состояние), а также *выплакать горе, излить чувства в слезах*. См. об этом подробнее в нашей статье [5].

В контексте обсуждаемой проблематики нельзя не обратиться к работам Дж. Лакоффа, который, анализируя концептуальную структуру эмоций, в частности гнева, отмечает исключительную роль метонимии в концептуализации этой сферы и констатирует взаимодействие метафоры и метонимии. Правда, интерпретирует взаимодействие этих механизмов он в несколько иной логике. Одно из основных положений этой части его работы заключается в утверждении, что эмоции (как абстрактные понятия) способны концептуализироваться только через их внешние физиологические проявления – ощущения, мимику, поведение, температуру тела и т.п., т.е. *метонимически*. Так, состояние гнева характеризуется с опорой на его внешние физиологические проявления – внешний вид, повышение температуры кожи, повышение давления, моторику поведения (*побагровел от гнева, трясется от гнева, глаза засверкали от гнева* и т.п.). «Концептуальные метафоры и метонимии, используемые для понимания гнева, отнюдь не являются произвольными – они мотивированы нашей физиологией» [7. С.526]. В этом смысле все типовые выражения, связанные с описанием ситуации гнева, последовательно и адекватно, как показывает американский лингвист, регистрируют физи-

ологию состояния, поведения, внешнего вида разгневанного человека. Таким образом, информацию о состоянии гнева в равной мере метонимически передают следующие фразы: *он побагровел, затопал ногами, стукнул кулаком по столу, затрясся от гнева, сверкал глазами, он чуть не лопнул от гнева, он закипел от гнева, он взорвался от гнева*. Хотя некоторые из этих выражений несут буквальный смысл по отношению к внешнему виду человека (*он побагровел*), по отношению к характеристике внутреннего состояния гнева они являются метонимическими средствами. То же можно сказать о собственно метафорах (*он взорвался от гнева*): метафора (*взрыв*) относится к характеристике поведения человека, но по отношению к характеристике состояния гнева эта метафора дополнительно имеет метонимический статус.

Применительно к проблематике нашей статьи интерес представляет интерпретация Дж. Лакоффом собственно метафор, использующихся в этой функции: *В нем закипел гнев, Он закипел от гнева, горел гневом, В нем вспыхнул гнев* и под. По его логике, в этом случае метафоризуется не само состояние гнева, а *смежные с ним реалии* – внешний вид, давление и т.п., т.е. в основе этих метафор лежит сходство между повышенной температурой тела (объективной физиологической характеристикой состояния гнева) и огнем.

Нам представляется более адекватным другой (хотя и близкий) взгляд на соотношение метафорического и метонимического начал в процессе образования подобных метафор. Думается, что эти метафоры не только метонимически соотносятся с характеризуемым концептом (гневом), но являются результатом переноса способа концептуализации с тела на гнев (жидкость-кровь → жидкость-гнев, жар-тело → жар-чувство), т.е. представляют собой «*бывшие*» метонимии. Образы, концептуализирующие эмоции (*кипит от гнева, чуть не лопнул от гнева*), в языковой картине мира (народной теории гнева, по выражению Лакоффа) имеют прямые метонимические истоки: кровь, состояние кровотока, изменение температуры тела и другие соматические источники. Рассуждая о метонимическом способе обозначения эмоций, Лакофф разрабатывает параллель «жидкость - гнев» только как метафору, обращая внимание на линии сходства между сферой источника (жидкостью вообще, а не кровью) и сферой мишени (гневом), и оставляет в стороне вопрос о смежности соотношения «кипящей жидкости» и крови, послужившей *основанием* для переноса: прообразом метафоры жидкости в современной языковой картине мира, на наш взгляд, является именно кровь⁷. Гнев как абстракция отождествляется с кровью и далее развертывается метафорически как образ мифической жидкости (*гнев закипел* и т.п.); аналогично гнев как абстракция отождествляется с телом, имеющим повышенную температуру, с высоким давлением кровотока, и далее эти образы осмысляются и развертываются как метафорические (*гореть в гневе, лопнуть от гнева, гнев его растирал*). Состав и характер метафорических моделей этой сферы метонимически предопределен телесными гештальтами. Таким образом, ментальная сфера эмоций демонстрирует в процессах ее образного моделирования те же механизмы, что и сфера суточного времени: метафорическое моделирование опирается на отношения смежности с конкретными реалиями, значимые для сознания, обусловленные способами категоризации знания в виде гештальтов, пропозиций, сценариев.

Взаимодействие метафорического и метонимического механизмов носит регулярный характер и обнаруживается при наблюдении за функционированием других образов. Аналогичный первоначальный метонимический перенос наблюдается и в отношении других моделей в сфере внутреннего мира человека, прежде всего таких, как «*вместилище*» и «*живое*», происхождение которых трудно объяснить в логике рассуждений

Дж.Лакоффа. Так, подход Лакоффа не позволяет мотивировать возникновение метафор-олицетворений *опыт подсказывает, чувство ушло, страх заставил солгать, долг диктует, меня посетило сомнение*. На наш взгляд, в данном случае действует тот же механизм – метонимический сдвиг способа мышления о человеке как о живом существе на любые его ипостаси (без каких-либо ограничений), связанные в рамках гештальта отношениями смежности. Результаты переноса этого образа переосмысляются – осмысляются как метафоры, т.е. в последующем этот способ используется с опорой на кажущееся (а по сути, созданное) сходство между чувством и человеком: *чувство пришло, ушло, родилось, умерло, заговорило, подсказало, заставило, боролось, сопротивлялось, уснуло* и т.д.

Известен факт широчайшего распространения образа «вместилище» в сфере человека, прежде всего в сфере абстрактных сущностей [15; 9; 3]. Конструкции *в памяти, в душе, в воображении, в уме, в мыслях, в речи* и многие подобные, благодаря гештальтному единству этих концептов и представления о человеке как физическом теле-вместилище, возникают в результате метонимического смещения модели вместилища с конкретной реалии на абстрактные, смежные с ней в картине мира:

В голове заветная поездка → *в уме* (а также *в сознании, в воображении, в мыслях, в планах, в памяти* и т.п.) заветная поездка;

Я полон грусти, *грудь переполнена* печалью, *сердце полно* грусти → *душа полна* печали (*в душе* печаль), *печаль полна* тобою; *сон полон* тобой;

В его устах призыв → *в его речах* призыв, *в его словах* призыв;

В его руках власть, судьбы людей, предприятие → *в его власти* (а также *в его распоряжении* или *в его владении*) люди, предприятие.

Результатом такого смещения являются высокочастотные выражения типа *он в печали, в восторге, в страхе, в сомнениях, в мыслях* (о ком-, чем-либо).

После этого акта – категоризации концептов-абстракций по типу вместилища – в сознании возникает прямая ассоциация между памятью, умом, душой – и конкретными типами вместилищ. Т.е. ум-вместилище, память-вместилище, душа-вместилище оказываются в рамках одной категории с такими вместилищами, как строения, посуда, пещера и т.д. Вследствие этого в процессе речемышления происходит отождествление абстракций-вместилищ и конкретных вместилищ: *Подбирают фомки и отмычки, Чтоб живую душу отмыкать* (Берггольц); *В берлоге души тебя сохранию...* (Сельвинский); *Штопором памяти откупориваю понемножку Запыленные временем дни и века* (Шершеневич); *Во сне организм борется с недугами, во сне идут процессы восстановления и накопления энергии. ...сон – «ремонтная мастерская» организма, в которой человек снимает нервное напряжение* (Комсом. правда).

Момент первичного сдвига по смежности (*в голове* → *в уме*) представляется стихийным, механическим актом метонимического характера. Однако факт этого сдвига заставляет сознание работать над мотивацией возникшего выражения в поисках сходства между умом и вместилищем – и рождается метафора. Т.е. в сознании человека метонимия превращается в метафору. Однако подчеркнем еще раз: предтечей такой метафоры стала метонимия – акт категоризации абстрактной сущности как «вместилища вообще» был предопределен гештальтным единством таких реалий (голова-ум-мысли-память, грудь-сердце-душа-чувства). Иными причинами трудно объяснить регулярность и разнообразие образов вместилищ в сфере характеристики рассматриваемых абстракций. Т.е. метонимия сыграла свою незаметную роль в подготовке акта метафоризации. В последующем сознание конкретизирует этот образ, т.е. оперирует образом вместилища как метафорической моделью. А отождествление нетождествен-

ственно (и соответствующий экспрессивный эффект) обнаруживается лишь на уровне конкретных разновидностей вместилища, соотнесенных с абстракциями сферы «человек» (например, память – бутылка, сон – мастерская)⁸.

О большой роли гештальтных связей (связей по смежности) в процессе функционирования метафорических образов свидетельствует и то, что большой корпус фрагментов фиксирует связь метафорического образа эмоции-жидкости и реальных «жидких субстанций» в рамках близкого контекста, которую можно рассматривать как отражение эмпирической опоры метафор эмоций на представления о жидкостях, связанных в картине мира со сферой эмоций. Так, в приводимых ниже фрагментах образ жидкости как системно закрепленный способ концептуализации эмоций опирается на современные обыденные представления о смежности между состоянием человека и особенностями кровотока, состоянием человека и слезами: *...И в сердце чувствую такой прилив любви...* (Фет); *...И полон ум желаний и страстей, И кровь кипит – и слезы из очей...* (Лермонтов); *Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала ее днями, наведывалась и ночью, и тогда то, что копилось в душе, взнуданное до времени волей, – рвало плотины: ночь, всю дотла, билась Аксинья в немом крике, в слезах...* (Шолохов). Регулярность подобного рода контекстов, в которых эмоциональные метафоры жидкости сопровождаются наличием в контексте именованных собственно жидких субстанций (крови, слез, хмельного напитка и т.п.), позволяет судить о важности для сознания подобной (вряд ли сознательной) эмпирической опоры, способствующей закреплению метафорической модели жидкости в этой сфере.

Итак, в картине мира первобытного человека и современного носителя языка использование образа жидкости при номинации или характеристике эмоций мотивируется одинаковыми когнитивными механизмами – опорой на реалии (в данном случае на разные виды жидкости), которые в рамках конкретной типовой ситуации объективно связаны с эмоциями отношениями смежности. Если по происхождению (в качестве номинаций) значения этих слов ученые обуславливают отнесенностью к одной – ритуальной – ситуации, то в современной картине мира (в сознании современного человека) они соотносятся иначе – как смежные в новой системе координат, включающей бытовые и научные представления: сквозь призму объективной связи между кровотоком, слезами, хмельным напитком и эмоциональным состоянием⁹ (см. об этом подробнее в нашей статье [5]). Именно последним связям, актуальным для современного носителя языка, эти образы обязаны своей устойчивостью, регулярной воспроизводимостью, метафорической продуктивностью, широким лексико-семантическим варьированием, статусом базовой метафоры в сфере характеристики эмоций. Закономерная опора на отношения смежности обусловлена человеческой психологией – способностью к целостному гештальтному восприятию предмета и гештальтной организацией знаний в памяти.

Коснемся распространенного мнения о том, что современная языковая образность (а ею буквально насыщен любой язык) обусловлена влиянием мифологической картины мира. Такое влияние, безусловно, есть. Однако сводить закономерности и богатство современной образной картины мира только к наследию мифологического сознания не приходится. При всей значительности роли речевой традиции, художественной формульности, восходящей к античной, библейской мифологии, роли фольклора, связанного со славянской мифологией, не приходится игнорировать и роль когнитивных механизмов, равно важных для творцов мифологии, фольклора и современных носителей языка, телесный, практический опыт, отражающийся в процессах образного моделирования. Представляется не менее (а возможно и более) важной в отражении дей-

ствительности и способах ее интерпретации роль когнитивных механизмов, в равной степени значимых для носителя мифологического сознания и современного человека. В частности, устойчивая закрепленность определенного рода метафорических моделей за той или иной ментальной сферой часто связана с тем, что данные образы в современной носителю языка картине мира имеют какую-либо эмпирическую (гештальтную) опору в данной сфере.

Очевидно, что образ жидкости – один из базовых образов, функционирующих в сфере эмоций человека на регулярной основе, – отражает отнюдь не только метафорический взгляд на эмоции: он фиксирует естественную смежность психологических и физиологических механизмов жизнедеятельности, а диахронически – ситуативную смежность ритуального приема напитка и наступления определенного эмоционального состояния. Следовательно, применительно к сознанию первобытного состояния в этом случае метонимический перенос *генетически предшествовал* метафоре как *способ категоризации концептов* на основе отношений смежности. После того как сознание категоризовало абстрактную сущность в образе жидкости (или в ином образе), на следующем культурном этапе, особенно с потерей мотивирующей (ритуальной) связи между напитком и состоянием, сознание людей новых поколений начинает соотносить между собой две эти сущности на основе *сравнения*, т.е. манипулировать образом жидкости как *метафорической* моделью, обновляя соответствующий фрагмент языковой картины мира. Однако роль метонимической опоры при категоризации абстракции (в данном случае эмоции) как диахронически, так и синхронически оказывается чрезвычайно важной – предопределяет направления ее метафорического моделирования.

В процессе функционирования любой метафорической модели метонимические механизмы играют еще одну важную роль. Известно, что процесс функционирования практически любого образа характеризуется тенденцией к экспансии – стремлением к интерпретации и моделированию все новых объектов действительности, или, в другой терминологии, новых ментальных областей, а в рамках одной ментальной области – всех ее элементов. Обычно в анализе картины функционирования исследовательское внимание обращается на одну линию – фиксацию сходства двух реалий. Однако не меньшего внимания в ходе анализа закономерностей функционирования одной метафорической модели заслуживает метонимический аспект в его взаимодействии с собственно метафорическим. Векторы движения образа от одного денотата к другому обнаруживают направляющее влияние отношений смежности. Это выражается в том, что на частные концепты ментальной сферы «человек» последовательно распространяются образные модели, отражающие способ категоризации человека (или наоборот):

а) образ света: *лучатся глаза, лучится взгляд, лучится улыбка, лучится лицо, лучатся улыбкой морщинки* (лучики морщинок), *лучится радостью девочка, лучится радость*;

б) образ жидкости: *...заблестели недобрый блеском глаза: Чапаев бурлил негодованием...* (Фурманов); *Стихия сладострастия бурлит в Мите...* (Кантор); *...отвечал Вихров, еле удерживаясь от прихлынувшего задора* (Леонов); *Вспоминания нахлынули на нее ...она потонула в них* (Тургенев); *...чувствуя всем сердцем своим, как надежда вливается в его сердце* (Достоевский); *Нутро ее наливалось теменью, клокотала в нем злоба...* (Астафьев); *...что ответить, как отозваться на страстный поток насмешек и острот* (Фурманов); *И слова его полились рекою* (Тургенев).

В то же время любое «приложение» образа обуславливается и фиксацией сходства, т.е. метонимическая и метафорическая составляющая когнитивного механизма «работают» в тесном взаимодействии. Если роль метафоры в порождении приведен-

ных и подобных выражений очевидна, то метонимия играет незаметную, но не менее важную роль в образном моделировании действительности: предопределяет типы метафорических моделей, концептуализирующих объект, векторы их движения, обеспечивает их *экспансию*.

Тем же векторам переноса «подчиняются» и определения. Проиллюстрируем этот заслуживающий специального разговора вопрос одним примером из текста известного журналиста: *Ушла огромная, насыщенная, талантливая, дружелюбная, остроумная и так необходимая нам, друзьям, и вам, читателям, жизнь Ярослава Голованова* (Ю. Рост): *талантливый, дружелюбный, остроумный, необходимый человек ? талантливая, дружелюбная, остроумная, необходимая жизнь человека*.

Итак, взаимодействие метафоры и метонимии проявляется в разных формах.

1. Диахронический подход позволяет усмотреть тенденцию к трансформации синкретической семантики слова в полисемантическую структуру с установлением отношений метафорической производности между значениями, в том числе тенденцию к трансформации исходной метонимии в метафору.

2. Весьма значимыми оказываются метонимические механизмы в образной языковой картине при ее интерпретации в синхроническом плане.

В плане синхронии дифференциация двух аспектов анализа (статического и динамического) позволяет обнаружить постоянное взаимодействие метафорических и метонимических механизмов в процессе порождения метафорических выражений.

Во-первых, гештальтная структура хранения знания обуславливает то, что образное моделирование абстракций закономерно осуществляется по аналогии с реалиями, от которых эти абстракции были отчуждены сознанием как самостоятельные сущности и с которыми связаны отношения смежности, отношениями *предмет – его атрибут* в широком смысле (например: солнце → закат, восход, заря, утро, вечер, день, сутки и т.д.; человек → сознание, чувство, ум, сомнение, совесть, долг, фантазия, воображение, память, демократия, власть и т.д.). Следовательно, метонимический механизм своеобразно прокладывает русло для движения образа, «подсказывая» способ концептуализации абстрактного понятия по образу и подобию смежной материальной реалии, а метафорический обеспечивает сопоставление двух реалий, оказавшихся в отношениях образного отождествления (*гаснет день*: день = огонь), с целью установления или «создания» сходства между ними. Другими словами, проникновению образа в конкретную ментальную сферу (огня – в сферу суточного времени, жидкости – в сферу эмоций, вместилища – в сферу психики и т.д.) способствует (и, видимо, предшествует) метонимический сдвиг, за которым следует метафорическое осмысление его результата.

В результате первичного метонимического сдвига происходит отрыв образа от мотивирующей реалии (представления об огне от представления о солнце), он получает статус метафорической модели, функционирующей самостоятельно. Но, оторвавшись, образ не «порывает» окончательно с мотивировавшей его реалией. Эта связь (эмпирическая опора) способствует закреплению метафорической модели в данной ментальной сфере (образа огня как средства интерпретации суточного времени) в картине мира любой культурной эпохи.

Во-вторых, дальнейшее функционирование образа в данной сфере, его воспроизведение по отношению к разным частным денотатам этой сферы (*гаснет небо – закат – день – вечер* и др.; *горит желание – вспыхнул интерес – глаза загорелись – взгляд вспыхнул – улыбка погасла – лицо вспыхнуло – человек загорелся идеей – мысль вспыхнула в сознании – сознание погасло – жизнь в нем догорала* и др.), обусловлено одновре-

менной двойной мотивацией: метонимический механизм определяет векторы дальнейшего движения образа в данной сфере, за которыми стоят разнообразные типы смежности – пространственной, ситуативной, логической, временной и т.д., а метафорический – поиски линий сходства двух реалий по коммуникативно актуальным признакам ('блеск', 'свет', 'красный цвет', 'окончание процесса', 'интенсивность процесса' и мн. др.). На одну линию мотивации носитель языка опирается сознательно (с целью поиска и фиксации сходства), на другую не вполне осознанно. Неосознанность, стихийность действия метонимического механизма (как в момент первичного метонимического сдвига представления с материальной реалии на смежную идеальную, так и в последующем, в процессе регулярного воспроизведения образа в какой-либо сфере) не является неожиданностью: этой особенностью отличается и большая часть лексической метонимии (переносы слов-названий), которая говорящим не осознается¹⁰. Незаметность смещения объясняется тем, что оно не имеет целью выражение какого-либо нового смысла, а возникает вследствие действия закона экономии. Метафора же, в отличие от метонимии, имеет творческий, креативный характер – направлена на создание нового смысла, обогащает структуру соответствующего концепта, является целенаправленным актом, имеет существенное гносеологическое значение и потому не остается незамеченной.

Метонимия определяет пути (множественные векторы) движения метафорической модели как способа интерпретации одной ментальной сферы. Любая образная модель, попав в определенную сферу, оказывается во власти метонимического механизма, который управляет векторами ее дальнейшего движения и обеспечивает ее экспансию в этой сфере, и в целом, следовательно, именно он предопределяет *глобализацию* образного моделирования действительности.

Вернемся к точке зрения, согласно которой современная образность типологически обусловлена спецификой мифологического мышления, наследницей которого она является. Выше уже отмечалась узость такой оценки. С одной стороны, современная образность – наследие предыдущих эпох, в том числе эпохи мифологического сознания, хотя и принципиально переосмысленная, собственно как образность (характеризующаяся семантической двуплановостью), возникшая в *последующую эпоху*, во многом в результате метафорического осмысления того, что генетически метафорой не было. В то же время современная образность, как и «образность» носителя мифологического сознания, предопределена когнитивными механизмами речемышления, в которых, как можно полагать, существенную роль играет опора на отношения смежности.

3. Выше были отмечены отдельные случаи совпадения векторов переноса лексемы-названия и способа концептуализации с конкретной реалии на абстрактную (*солнце* 'светило' → 'сутки'; *буза* 'напиток' → 'состояние, вызванное его приемом'). Такие совпадения не случайны и являются, по нашим наблюдениям, достаточно регулярными. *Смежность двух реалий разной природы* (человека и его абстрагированного свойства; материального объекта и абстрагированного от него свойства; вместилища и вместимого и т.п.), их *гештальтное единство в сознании* в условиях актуальности соответствующих концептов в коммуникативном и речемыслительном процессах порождают переносы лексемы-названия, определения, относящегося к данному названию, и способа концептуализации с одной реалии на другую. Так, переносами разных единиц отмечены следующие «участки» в рамках одного гештальта:

1) голова – ум:

а) перенос названия: *голова* «часть тела» → *голова* 'ум, интеллектуальные способности', ср.: *кудрявая голова* – у него *хорошая голова*;

б) перенос способа моделирования: *в голове* (голова – «вместилище») → *в уме* (ум – «вместилище»);

2) учреждение – здание, в котором находится это учреждение, – люди, живущие в здании, работающие в учреждении:

а) перенос названия: *дом, больница, министерство, магазин* ‘учреждение’, ‘здание’ → *дом, больница, министерство, магазин* ‘люди, находящиеся в здании’, ср.: *построить дом, магазин* и т.д. – *дружить домами, весь дом всполошился, магазин предложил новую услугу*;

б) перенос способа моделирования *дом* → *люди*: *в доме* происходит ремонт (дом – «вместилище, помещение») → *в семье* царит лад (семья – «вместилище»); *он вышел из министерства* (здания, помещения) – *он уволился из министерства* (из организации); *строить, укреплять, разрушить, развалить дом* (дом – «строение») → *строить, укреплять, разрушить, развалить семью* или *коллектив, сколотить коллектив* и т.п. (коллектив – «строение»).

В сфере лексем-названий эти векторы и типы метонимических переносов давно известны, а в сфере ментальных единиц (к которым относится образ как способ концептуализации) – ждут своего изучения. *Совпадение* векторов переноса собственно языковой единицы и единицы когнитивной, по нашему убеждению, показательны как свидетельство действия в этих случаях одного и того же когнитивного механизма и, следовательно, как аргумент в пользу адекватности предложенной интерпретации соотношения метафорических и метонимических начал в процессах метафорообразования, исследуемых на базе когнитивной категории образа.

Примечания

¹ Коллектив представлял собой не обязательно кровных родственников: так, у скифов жарили быка, садились на его шкуру, делили мясо, и, кто съедал кусок, тот становился союзником. Много свидетельств того, как **путем еды или питья крови** (или смазывания кровью) **люди становились как бы соплеменниками**, кунаками [Выделено нами. – Н.И.]. Обмен вещами создавал тот же институт социальной близости, потому что вещь тоже представлялась тотемом [Там же. С.28].

² Мужчина по отношению к своим детям. 2. Самец по отношению к своим детенышам. 3. мн. ч. Люди предшествующих поколений – *проблема отцов и детей*. 4. мн. ч. Люди, облеченные властью – *Отцы церкви. Отцы города*. 5. Перен. Тот, кто является родоначальником, основоположником чего-н. (высок). *Летописец Нестор – отец русской истории*. 6. Обращение к пожилому мужчине или к мужу как отцу своих детей (прост.). 7. Служитель церкви или монах, а также обращение к нему. *Святой отец*. [10. С. 461].

³ В частности, в свете диахронического и современного синхронического подхода по-разному воспринимаются выражения типа *отче наш, святые отцы, отцы города*, обращение *батьюшка*, этимологически явно восходящие к первоначальному синкретическому значению этого слова, а в современном языковом сознании производные от значения ‘кровный родственник, мужчина по отношению к своим детям’.

⁴ В высшей степени показательны то, что параллельно с данным переносом образа существует метонимический перенос слова *солнце* с возникновением у него аналогичного значения: *солнце* ‘светило’ → *солнце* ‘свет’: в саду, в комнате много *солнца* (много света).

⁵ См. векторы переноса слова-названия при образовании метонимически производных значений, которые отражают структуру соответствующей ситуации: действие → субъект действия (*суд* состоялся – *суд* удалился на совещание), действие → объект действия (заниматься *вязанием* – отложить *вязание* в сторону), действие → место действия (*выход* занял полчаса – собраться у *выхода*), действие → средство действия (*замазка* окон – *замазка* для окон) и т.п.

⁶ См., как структура ситуации писания отражается в составе однокоренных слов: *писать* 'название всей ситуации', *писарь*, *писатель*, *писец* 'деятель, субъект', *письмо*, *запись* 'объект, результат действия', *самописка* 'орудие действия'.

⁷ Хотя в этимологическом аспекте мотивация слова *гнев* в славянских языках более многообразная и связывается, кроме того, со словами *гной*, *гнуть*. [14. Т.1. С. 420; 16. Т.1. С. 194]

⁸ До того как возникла метафора *в гробу моей памяти*, в языке появились выражения *в памяти*, *из памяти* и под., которые явились результатом аналогии с выражениями *в голове*, *во мне*, т.е. в результате метонимического сдвига способа осмысления с конкретного физического объекта (*в голове*, *в человеке*) на связанный с ними отношения смежности абстрактный объект (*в памяти*). После стихийной концептуализации памяти в образе вместилища происходит метафорическое развертывание образа вместилища: память – гроб, колодец, склад, бутылка и мн. др.

⁹ Факт различия мотивации в первобытной и современной картинах мира свидетельствует 1) либо о кардинальном расхождении в мотивации образа жидкости в столь разных картинах мира, что естественно: о первостепенной значимости ритуала возлияния для первобытного человека и о меньшей значимости приема напитка как мотивации эмоционального состояния в картине мира современного человека (кстати, Лакофф в рассуждениях о мотивации метафор сферы эмоций вообще не упоминает о мотиве возлияния, напитка), 2) либо о недооценке учеными других линий мотивации эмоций (наряду с ритуальной ситуацией) в картине мира первобытного человека (в материалах М.М.Маковского и других показательна связь эмоций с кровью, которая могла осмысляться не только как ритуальный напиток).

¹⁰ Ср. фразу из разговорной речи: *У вас нет ключа от Маргариты Васильевны?*

Библиографический список

1. Арапова О.А. Концепт «дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: Дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2004.
2. Байбурин А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII – XIX вв. СПб.: «Европейский Дом»; М.: «Знак», 2004.
3. Илюхина Н.А. Роль метонимии в интерпретации концептосферы «человек» (на материале ментальной модели «вместилище») // Вестник Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. № 3. С. 114 – 121.
4. Илюхина Н.А. О метонимическом механизме олицетворения (на материале концептосферы «человек») // Наука в высшей школе: Проблемы интеграции: Материалы III международной (VI межрегиональной) научной конференции. М.: Изд-во УРАО, 2003. С. 36 – 43.
5. Илюхина Н.А. Образное моделирование сферы эмоций (к вопросу о механизмах переноса) // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сборник науч. трудов к 80-летию Е.С.Скобликовой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 273 – 283.
6. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Шатуновского. М.: Языки славянской культуры. 2004.
8. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.
9. Одинцова М.П. Образы человека-пространства в языковой картине мира и в русской поэтической речи // Художественный текст: единицы и уровни организации. Омск, 1991.
10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН.; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994.
11. Словарь русского языка: В 4т. М., 1988 (МАС).
12. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1986.
13. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О.Н.Трубачева / Под ред. проф. Б.А.Ларина. Изд. 2-е, стереотип.: В 4 т. М.: «Прогресс», 1986 – 1987. Т.2.

15. Ченки А. Глава 10. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 340 – 369.

16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: Т.1-2. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1994.

17. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Русский язык, 1987.

18. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 108 – 118.

N.Ilyuhina

ON INTERACTION OF COGNITIVE MECHANISM OF METAPHOR AND METONYMY IN PROCESSES OF CAUSING AND DEVELOPMENT OF IMAGERY

The article compares the results of synchronical and diachronical analysis of forming metaphorical models, static and dynamic aspects of contemporary colourful world picture. The comparison discovers the fact of close interaction of metaphor and metonymy, the important role of metonymical mechanisms in metaphor forming.